
Глава 14

Поместье хоу Чаняна

Поместье хоу Чаняна утопало в праздничной суете. Хозяин дома не поскупился: пир горой должен был длиться три дня кряду. Слухи о том, как Юй Лань и Чжэн Шаньцы были застигнуты в двусмысленном положении, нисколько не охладили пыл маркиза — он по-прежнему души не чаял в сыне и обставил его замужество с истинно имперским размахом.

На торжество прибыл и сам гун Инго — дедушка Лань по материнской линии. Ветеран бывших сражений, ковавший величие династии, он пользовался таким почетом, что даже самые высокомерные гости склоняли перед ним головы. В отдельном зале собралась золотая молодежь столицы — наследники знатных родов и сыновья высокопоставленных чинов.

— И что, взаправду выдают? — вполголоса спросил один из юношей.

— А ты сомневаешься? Посмотри вокруг, — фыркнул его сосед. — Весь Шэнцзин здесь.

— Повезло же этому проходимцу... — протянул другой, имея в виду Чжэн Шаньцы.

В глазах столичных щеголей безродный Шаньцы был простолюдином, который чудесным образом сумел пристроить свои «грязные ноги» в столь знатный дом.

— Я бы так не сказал, — вмешался в разговор Цуй Цзыци, добродушно усмехнувшись. — Сначала попробуйте-ка вынести характер Лань, а потом завидуйте. Брат Чжэн — человек достойный, зря вы на него ополчились.

— Брат Цуй, уж не опоили ли тебя зельем? — недовольно проворчал один из знатных отпрысков. — С чего это ты защищаешь чужака?

Для них, чьи предки веками владели землями, Шаньцы был выскочкой. Его родословная до третьего колена состояла сплошь из пахарей.

— Не судите строго, — Цуй Цзыци пригубил вина и подцепил палочками кусок сочной свинины. — С тех пор как ввели государственные экзамены, наши привилегии перестали быть вечными. Мир меняется.

При этих словах на лицах молодых господ отразилось негодование.

Длинные галереи поместья маркиза сверкали чистотой. Мимо сновали слуги и служанки — грациозные, обученные малейшим тонкостям этикета. Сад, окружавший покои, благоухал цветами, радуя глаз изысканными пейзажами.

Юй Ланьи сидел на широком ложе, застеленном алым шелком. Свадебное покрывало еще не скрывало его лица, и он, пользуясь моментом, с аппетитом уплетал пирожное из зеленых бобов. Искусные горничные наложили ему легкий макияж: природная красота Ланьи была столь яркой и живой, что густые белила и румяна лишь испортили бы дело. Тонкие штрихи лишь подчеркнули благородную бледность и сияние глаз.

— Надо же, — со смехом заметила госпожа Чжан, — не помню, когда видела Ланьи таким смиренным. Не успели оглянуться, как наш маленький проказник уже идет под венец.

— Тётушка, я всегда был воплощением кротости, — не моргнув глазом, отозвался Ланьи.

Супруга гуна с нежностью и грустью смотрела на внука:

— Я еще не знакома с Чжэн Шаньцы лично, но твой папа говорит, что он юноша порядочный. Ланьи, ты рос в неге и ласке, но в чужом доме не будь слишком своенравным. У тебя сильный характер, однако не забывай беречь достоинство мужа. В уезде Синьфэн ты станешь супругом начальника уезда, а это ко многому обязывает. Будь примером для других.

Ланьи лишь рассеянно кивнул. Поучения бабушки влетали в одно ухо и вылетали в другое. Он считал, что с ним и так всё в порядке. К тому же Шаньцы ранее ясно дал понять: всеми домашними делами будет заправлять супруг. А значит, Ланьи волен поступать так, как ему заблагорассудится.

— И еще, — продолжала старушка, — я знаю твою гордость, сейчас мои слова кажутся тебе лишними. Но запомни: деньги всегда должны быть в твоих руках. И приглядывай за Чжэн Шаньцы. Мужчины — народ ненадежный.

Ланьи едва не поперхнулся пирожным.

«Она намекает, что он вздумает гулять на стороне?!»

— Бабушка, ты хочешь сказать, что он начнет заглядываться на других?!

— Просто будь начеку, — уклончиво ответила та.

Супруга наследника тоже подала голос:

— Ланьи, время пришло. Накидывай покрывало, Чансин скоро придет за тобой.

Госпожа Чжан сунула племяннику в руки еще пару сладостей:

— Свадебный обряд долгий. Поешь в паланкине, а то к вечеру совсем ослабнешь от голода.

Цзинь Юнь осторожно опустил на голову хозяина алое шелковое покрывало. Мир в мгновение ока померк, окрасившись в густые багряные тона. Ланьи охватила внезапная тревога, но в этот миг его руку сжала ладонь Фулана Юй.

Сердце юноши успокоилось, хотя тоска по дому всё еще щемила грудь. Ему было горько расставаться с папой, отцом и братом. Фулан Юй довел его до порога, где уже ждал старший брат.

Юй Чансин, не желая затмевать зятя, выбрал для торжества сдержанный темно-синий халат. Увидев брата в роскошном свадебном наряде, он молча опустил на одно колено.

Ланьи забрался брату на спину. Она была широкой и твердой — сказывалась многолетняя военная выправка. Юноша невольно вспомнил, как в детстве он, расшалившись, разбил колено, и Чансин точно так же нес его к лекарю.

Чжэн Шаньцы ждал у ворот. Когда Чансин передал ему Ланьи, молодой человек ощутил странный трепет. В торжественных лицах родных, в серьезных взглядах гостей он вдруг ясно прочитал: это не просто обряд, это — решение на всю оставшуюся жизнь.

А жизнь бесконечно долгая, и теперь она неразрывно связана с другим человеком. Шаньцы невольно перевел взгляд на замершую фигуру в красном.

— Вверяю его тебе, — негромко произнес Юй Чансин. — Если ты обидишь его или заставишь страдать, всё поместье хоу Чаняна придет за твоей головой.

Шаньцы почтительно сложил руки:

— Будьте спокойны, чиновник Юй. Я приложу все силы, чтобы он был счастлив.

Хэ Мин, стоявший подле супруги наследника, чувствовал, как к горлу подкатывает комок. Его маленький кузен уезжает в глухой уезд, за тридевять земель от столицы. Кто знает, когда они увидятся вновь?

«Надо было мне свататься первым, — с горечью подумал он. — Тогда бы Ланьи не пришлось выходить за этого Чжэна».

В этот миг привязанность к кузену перевесила все его корыстные расчеты. Ланьи был для него близким человеком, а не просто кратчайшим путем к власти маркиза.

Молодые, связанные красной лентой, совершили поклоны Небу и Земле, после чего Ланьи препроводили в опочивальню.

Свадебные покои находились в отдельном доме, который маркиз Чанян специально приобрел для сына.

Тем временем Шаньцы осаждали гости, требуя выпить за здоровье молодых. Праздник был в самом разгаре, и отказываться было нельзя.

— Пей со мной! — Юй Чансин вовремя вмешался, принимая на себя основной удар.

Никто не осмелился навязывать вино старшему молодому господину Юй. Гости поумерили пыл, и после нескольких формальных кубков Шаньцы удалось освободиться.

— Благодарю, старший брат, — искренне сказал жених.

Чансин лишь вскинул бровь:

— Здесь я сам справлюсь, кузены и братья помогут. Иди к Ланьи. Он ждет.

Шаньцы чувствовал легкое хмельное головокружение. Остановившись перед дверью спальни, он ощутил внезапную робость. Глубоко вдохнув, он толкнул створки. Юй Ланьи уже давно сорвал с себя покрывало и преспокойно уплетал виноград, стоявший на столе. Обряды и приличия его, судя по всему, волновали мало.

Чиновник Чжэн замер. Впрочем, ничего другого он от супруга и не ожидал.

Бедный Цзинь Юнь так и не смог урезонить хозяина. Увидев мужа в ярко-алом свадебном халате, который делал того на удивление статным и красивым, Ланьи на миг смутился и отвел взгляд.

— Я просто проголодался, — буркнул он.

Шаньцы промолчал. Не говоря ни слова, он развернулся и вышел из комнаты.

Глаза Ланьи округлились. Он вскочил и принялся мерить комнату шагами, борясь с желанием броситься вслед:

— Это еще что значит?! Если кто-то увидит, что он ушел из спальни в первую же ночь, куда мне девать лицо? Мы станем посмешищем для всей столицы!

— Зять не похож на такого человека, — попытался успокоить его Цзинь Юнь. — Я пойду взгляну...

В дверь постучали. Это вернулся Шаньцы с тяжелым лакированным коробом для еды в руках. Ланьи в панике набросил на голову покрывало и замер на краю кровати.

— Входи, — отозвался слуга.

Они ждали кого-то из родственников, но вошел снова хозяин дома. Увидев Ланьи, чинно сидящего под красным шелком, Чжэн поставил короб на стол, взял специальный жезл и аккуратно приподнял край ткани.

Движения его были неторопливыми. Шаги становились всё ближе, и Ланьи почувствовал, как сердце забилось в груди, словно испуганная птица.

Вид прояснился: красное покрывало было снято.

Цзинь Юнь и пожилые свахи, облегченно вздохнув, пробормотали традиционные благопожелания и поспешили удалиться, плотно прикрыв за собой двери.

— Чиновник Чжэн и впрямь души не чает в молодом господине, раз сам отправился за едой.

— Пожелаем им долгих лет и здоровых наследников!

Двери закрылись. Свадебные свечи тихо потрескивали, выбрасывая снопы искр. В комнате остались только они двое.

Шаньцы первым нарушил тишину:

— Это моё упущение. Я не распорядился, чтобы еду принесли раньше. Я сходил на кухню и выбрал несколько блюд. Посмотри, придется ли тебе по вкусу. Если нет — я схожу еще раз.

Ланьи опешил:

— А?

— Попробуй, — супруг принялся расставлять тарелки.

На столе появились курица гунбао, креветки с лилией, побеги бамбука с бараниной, острый суп и акульи плавники с османтусом.

Ланьи тут же вскочил с кровати и уселся за стол:

— Мне нравится.

— Вот и славно. Я пойду освежусь.

Юноша рассеянно кивнул, полностью сосредоточившись на еде. Пока он чистил креветки, из-за ширмы донесся плеск воды. Внезапно Ланьи стало жарко и не по себе.

Он снял тяжелые украшения с головы, выпил немного супа и почувствовал, что голод отступил. Плеск воды затих. Шаньцы вышел из-за ширмы в тонком нижнем платье, окутанный облаком пара, который смягчал его черты.

— Там осталась горячая вода, — негромко сказал он. — Можешь идти.

Ланьи что-то буркнул в ответ, чувствуя, как внутри всё сжимается от неловкости. Впервые в жизни он остался так поздно наедине с мужчиной. Окинув взглядом комнату, он с ужасом обнаружил, что здесь нет даже кушетки. Наверняка это папа постарался.

«Но неужели мне придется спать в одной постели с Чжэн Шаньцы?!»

Схватив сменную одежду и затаив дыхание, Ланьи проскользнул мимо мужа, боясь даже взглянуть в его сторону.

Шаньцы лишь усмехнулся про себя.

«Лицо пунцовое, взгляд мечется, а сам делает вид, что всё под контролем».

Проводив его взглядом, он принялся не спеша прибирать со стола.

Еще до свадьбы он мельком просмотрел «иллюстрации для отвращения огня», но закрыл книгу уже через пару страниц — будучи в душе убежденным холостяком, он чувствовал себя крайне неловко. Однако сейчас, преодолев смущение, он решил досмотреть их до конца. Сказалась его педантичность: раз уж взялся за дело, нужно довести его до финала, иначе мысли о

неоконченном будут преследовать его всю ночь.

Постель была усыпана арахисом и сушеным зизифусом — символами скорого рождения сыновей. Он знал о значении этого обычая, но спать на колючих плодах было невозможно. Морщась от неудобства, супруг принялся собирать их в пустую тарелку из-под сладостей.

Когда Ланьи вышел, комната уже была прибрана, а постель чиста. Он бросил на Шаньцы одобрителный взгляд.

— Кровать всего одна. Поделим её пополам, — предложил муж.

Ланьи кивнул и быстро добавил:

— Я сплю у стенки.

Его собеседник не возражал.

Вскоре Ланьи уже лежал под алым одеялом. Шаньцы спросил, готов ли он, и задул свечи. В темноте шорох ткани казался оглушительным. Юноша вцепился в одеяло, замерев как натянутая струна.

Чжэн устроился на краю и отвернулся на бок.

Мрак обострил все чувства. Сердце Ланьи колотилось так громко, что, казалось, его слышно на всю округу. Ему было страшно.

Он в одной постели с мужчиной... Пальцы его непроизвольно дрогнули.

Его супруг тоже не мог уснуть. Присутствие другого человека рядом было невозможно игнорировать.

Пока они оба мучились от мыслей, слуги снаружи — Цзинь Юнь и люди Фулана Юй — заметили, что свет погас. И... тишина. Неужели это всё?!

Внезапно Чжэн Шаньцы резко повернулся и навис над супругом.